

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА Художник А. Плотнов — Здание Горьковской ГЭС.

Праздник искусства

ЖИВЫМ воплощением крылатых ленинских слов о том, что искусство принадлежит народу, служит Неделя изобразительного искусства, начинающаяся в пятницу субботу. Свыше пяти тысяч живописцев, графиков, скульпторов, мастеров прикладного искусства, объединяемых Союзом художников Российской Федерации, выносят на суд народа созданные ими произведения, встречаются с трудящимися в выставочных залах и в своих мастерских, на предприятиях и в колхозах.

ПЕДАГОГ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В. И. ЛЕНКУ

Навстречу пленуму ЦК КПСС

ОБНОВЛЕНИЕ

НОВОСЕЛЫЕ СТАНКА. Происходит это так. Ткацкий станок, что долгие годы стоял вот здесь, в цехе, рядом с такими же, как он, работягами-собратями, уезжает на поправку... Верней, его увозят. Ставят на колеса, остроумно смонтированные с домкратами, — три колеса, три домкрата. Подъезжает электромобиль, берет станок на буксир, и маленький поезд (тележка с сцепом) отправляется в путь по длинным и широким переходам просторного цеха. Посехали!..

Павел ПОДЛЯШУК, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Станок едет на ремонтный стэнд, и путешествие это никого на Ивановском меланжевом комбинате не удивляет. Прошло несколько минут, Уборщица подмела площадку, освобожденную ухавающим постапыльцем, — и в коридоре между станками вновь появился электромобиль. На сцепе — ткацкий станок. Тот, который уехал? Нет, конечно. Другой, побывавший на «курорте», отремонтированный. С его лопочками.

Глаза моей собеседницы скрыты очками, но видно — они смеются, когда Вера Васильевна — смачно передразнивает кого-то хорошо ей известного. И тут же она становится серьезной: — Да, этот вопрос первостепенный для нас. Для всех. Теперь то все поняли, вошли во вкус. Эксплуатационники стали предъявлять к ремонтниковым стали новые требования — только пославая. Этот узел укрепил, этот замени. Очень нравятся работникам пухобудуватели — благодарят. И в литейно-механическом по-другому встречают. Что ж, они ведь тоже люди советские, тоже за хорошее.

Итак же быстро, спорно, как увозили его, уставшего предшественника, на освободившемся месте установили вернувшегося. Приехал он, уже заправленный той же пражкой, которую ткал его предшественник. Сейчас же дежурный электрик присоединяет новичка к сети; помощник мастера бегло его осматривает и пожимает руку бригадиру ремонтников: — Порядок!

Комплексное обновление оборудования поднимает комбинат на новую ступень. Жизнь предъявляет сегодня к людям новые, повышенные требования. Теперь участв помощники мастеров — и в качестве, и в предании: участв ремонтников; действуют специальные курсы для прядильщиц, стемщиц, работниц других профессий. Недавно закончила работу областная школа по обмену опытом прядильщиц.

Менше получаса заняла вся операция — отъезд и приезд, установка и передатка, отключение и включение. А пока бригадир руководит процессом, бригада его — шестеро — принялась чинить тот станок, который только что приехал на ремонтный стэнд.

«МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРЕБУЕТ ПОРЯДКА». В «Меланжисте», многоотражке комбината, прочитал я вот такое заглавие заметки. Сформулировано точно: действительно, поднимая одно звено производства, неминуемо тянешь всю цепь. На виду теперь находится ремонтников. Усилилась роль экспериментаторов, отдела труда, литейно-механического завода, лабораторий, технического снабжения... Прядильные, чесальные машины, ткацкие станки переведены на повышенные скорости — обновились «узкие места» на подсобных участках.

НОВЕЖДЕМ СЛОВО. В многотысячной коллективе комбината, да и в других текстильных фабриках Ивановского экономического района, нет, пожалуй, ныне слова более распространенного и более известного, чем слово «модернизация». И еще в сочетании с прилагательным — «комплексная».

С горячо говорил на собрании коммунистов комбината работник транспортно-хозяйственного отдела Дегайрев. — Спрашивается, почему так мало внимания обращают на наш транспортно-хозяйственный отдел? А ведь там есть к чему приложить руки. Скажу к стыду руководителей: мы до сих пор транспортируем грузы на хлопковый склад под «Дубнушку».

Не знаю, заметили ли вы — пусть слово сложное, чужое, но если оно обозначает дело, кровно необходимое, общественно полезное, то слово это чрезвычайно быстро становится своим, органически входит в народную речь.

И она, повторю, в руках коллектива. Но есть вещи, которые не зависят ни от воли, ни от трудового энтузиазма текстильщиц. ...На ткацкой фабрике Меланжевого комбината мое внимание привлекла

НОВАЯ ВЫСОТА. По-ивановски окая, рассказывала мне Вера Васильевна Горюнова о том, как модернизировали станки на комбинате. Мы сидели у нее, в конторке ремонтного мастера прядильной фабрики; дверь поминутно хлопала, входили люди, врывался шум цеха, но речь текла неторопливо.

Соединение опыта. Владимир Васильевич Горохов, начальник прядильного цеха, рассказал мне еще одну сторону модернизации. Речь идет о соединении опыта. В ряд заданий, которое дается ремонтникам, есть несколько разделов. Модернизация машины и механизация производственных процессов. Предложения рационализаторов и изобретателей. Применение научно-исследовательской техники и условий труда.

Заводской «Третьяковкой» успели окрестить московичи картинную галерею, открывшуюся в субботу в клубе завода имени Владимира Ильича. В экспозиции, составленной из подарков московских художников, около 90 произведений, многие из них посвящены В. И. Ленину.

Примерно шестидесят художников столицы, начиная от старейших советского изобразительного искусства, выдающегося скульптора С. Коненкова, широко распахнули двери своих мастерских для посетителей. Группа молодых московских работников, побывавшая в мастерской А. Плотнова, с интересом рассматривала его новую работу.

«Название «Авророчки» пока условно, — говорит живописец. — Как видите, я задумал показать на этом полотне тот исторический рассвет, который занялся над нашей страной в октябре 1917 года. Готовлю картину к выставке «Советская Россия».

Посетители увидели портреты Горького, Тимирязева, Мичурин, Чайковского, пейзаж «Здание Горьковской ГЭС».

Эти работы, — повсюду художник, — предназначены для колхозной картинной галереи. Она откроется 21 июня в сельскохозяйственной артели имени Тимирязева, Горьковской области.

Непринужденные, дружеские встречи с художниками, горячие обсуждения их творчества происходят также в Ленинграде, Горьком, Свердловске, Куйбышеве, Ростове-на-Дону, Иваново, Саратове, Новосибирске, Казани и других городах, демонстрируя переплетение крепнущие, живые связи нашего искусства с жизнью народа.

Всегда на страже

На этой небольшой выставке трех военных художников, открывшейся в залах ЦДСА, можно увидеть много...

Советские военные корабли совершили поход вокруг Европы из Севастополя в Ленинград. Художники Виктор Бибиков и Петр Малыев запечатлели в своих миниатюрах этот поход.

Вера Босфор, Дарданеллы, Густая, в солнечном серебре, синева Средиземного моря. В фиолетовой дымке, поды поднимаются на водух, возмужают острова Греции.

Третий участник выставки — молодой скульптор Г. Постников. Он выставил портреты В. И. Ленина, М. И. Калинина, прославляющего русского флотоводца П. С. Нахичева.

Теме мира и счастья скульптор посвятил свою новую работу «Работа жизни».

Иван РАХИЛЛО

СПРАВЕДАЛИВЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

Если бы нашелся полиглот, жалящий лично познакомиться с литературными народами нашей страны, то ему пришлось бы изучить много десятков языков. Советская литература — это огромная, почти необъятная область нашей духовной жизни. И писатель о ней, писатель хотя бы информативно, — явно не по силам не только одному журналисту, но подчас и целому редакционному коллективу. Здесь нужна общая, целеустремленная работа в тесном контакте со всеми литераторами, со всеми литературными организациями республик.

Теме более широкого и более глубокого освещения вопросов многонациональной советской литературы и была посвящена встреча редколлегии «Литературной газеты» с большой группой литераторов из республик.

На что обращать главное внимание в литературных процессах? — Как писать о литературных явлениях, чтобы сделать их достоянием всеобщего читателя? — Как лучше укрепить связи с местными литераторами?

Эти и другие вопросы явились темой дружеского разговора. Наши гости предъявляли много серьезных и справедливых претензий «Литературной газете». Отмечалось измешение критической мысли за последние время (украинский критик Л. Новиченко), говорилось о том, что в газете замечается какая-то безраздельность остроты и обид, хотя без этого нельзя двигаться вперед (грузинский поэт С. Чиковани). Был высказан упрек в том, что «Литературная газета» не стремится вмешиваться во внутренние дела писательских организаций, где иногда возникают серьезные творческие дискуссии (казахский поэт А. Тажибаев).

Средоточием разговора стал вопрос о развитии критики в литературе. Критика должна быть не только оценочной, но и творческой. Она должна помогать писателю, а не только осуждать его. Критика должна быть справедливой и объективной.

НА СОВЕЩАНИИ В РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Ораторы не ограничивались сетованиями. Их советы и предложения были конкретными, в них чувствовалась большая заинтересованность в работе писательской газеты. Все подчеркивали, что нужно общими усилиями — и редакции, и писателям — сделать газету подлинно всесоюзной трибуной многонациональной советской литературы (грузинский критик Б. Жгенти, эстонский — Л. Ремельгаз, азербайджанский писатель Мехти Гусейин).

Мирзо Турсун-заде (Таджикистан) сказал: «На съездах подчеркивалось, что сейчас нет... изолированных литератур. Вот эта литература, мол, только для русского читателя, эта — для таджикского, эта — для казахского... Мы создаем единую литературу. Так давайте же усвоим эту истину и будем держать ее и в теории, и в практике».

Газета не станет всеобщей трибуной, если будет гнаться за процентно-формальным освещением национальных литератур, заметил Г. Борян (Армения). Принцип — «скачать пусть мало, пусть плохо, но обо всех братьских писателях что-нибудь сказать» — следует отбросить. Газета должна выступать проблемно, остро, интересно (аварский поэт Р. Гамзатов).

ВТОРОЙ день Год от года крепнуть нашей дружбе

ВТОРОЙ день нашей столицы чествует дорогих гостей — партийно-правительственную делегацию Германской Демократической Республики. Второй день к этому бесспорно крупнейшему событию в международной жизни приковано внимание мировой общественности. Это и понятно. ГДР сегодня — не просто первое в многовековой истории Германии государство рабочих и крестьян, погрузившее страну лицом к градушему. Германская Демократическая Республика — оплот миролюбивых сил, надежда всего немецкого народа.

Провидя будущее, Генрих Гейне писал, что наступит время, когда народы не позволят больше «нашим пикаем арестовать разжигать войну и раздор», когда осуществятся великое единение народов и не нужны будут больше армии, а «мечи мы перекуем в плуги и впряжем в них боевых коней и добьемся мира, благосостояния и свободы».

Так писал поэт. Миллионы немцев на значительной части своей территории живут, трудятся во имя того, чтобы по всей Германии перековать мечи, чтобы осуществилось единство всего немецкого народа. Но уже и сейчас трудящиеся ГДР по праву гордятся тем, что их республика стала частью социалистического единения народов, осеянного общностью целей и ленинских идей пролетарского интернационализма.

Соотечественники К. Маркса и Ф. Энгельса, претворяющие в жизнь дело великих учителей, с оптимизмом смотрят в будущее. На своей земле они с логической закономерностью, наглядно и убедительно доказывают превосходство социалистического общественного строя ГДР над милитаристской системой Западной Германии.

Каждый прожитый год подтверждает слова современного немецкого поэта Эриха Вайнера, который писал: Слышу новое в мотивах, полных сил и дерзаний, на заводах, на нивах и на стройках новых зданий.

Дрезден и Галле, Магдебург, Лейпциг, демократический сектор Берлина, десятки городов республики поднимаются из развалин, становятся цветущими центрами промышленности и культуры. Во имя мира, во имя простого человека строится новая Германия. Во имя мира, для блага

человека дают металл домы Бранденбурга, сходят со ступеней суда в Ростке, добывается уголь в Эдлице... «Нараду с ростом производственных и разумных развитием производственных сил», — призывает на страницах французской газеты «Камбэ» Жан-Пьер Ларош, руководителю ГДР забывают о воспитании и перевоспитании масс. В горах, на морской побережье, на берегах озер появляются новые отели, на окраинах городов сооружаются крупные стадионы, в небольших городах открываются театры, а в селах — дома культуры и кинотеатры.

И все это во имя мира, во имя простого человека. Автор приводит слова из немецкой рабочей газеты: «Если вы хотите больше мяса, молока и овощей, нужно больше производить сельскохозяйственные машины для крестьян». Так логично «вместо масла», пишет Ларош, заменен в новой Германии лозунгом, характеризующим мирную направленность ее развития.

Германская Демократическая Республика вступила ныне в такой период, когда, уверенная в своей победе, она бросает Западной Германии вызов на мирное соревнование. К 1961 году по потребности на душу населения ГДР должна догнать, а по некоторым показателям превзойти Западную Германию — такую задачу выдвинула Социалистическая единая партия Германии.

Новая Германия противостоит той Германии, где «наемные писатели архаичной разжигают войну и раздор», где мораль, философия, эстетика используются правящими кругами во имя милитаризма, а не только не думают о том, чтобы перековать мечи в орудия, а, наоборот, делают и мощию кулаков новый меч реваншизма. Народы не раз были свидетелями того, как протанула из ГДР рука с пальмовой ветвью мира отстранялась Аденауэром и присынами...

Привез дорогих посланцев ГДР приветствует весь советский народ. Мы верим, что этот визит послужит дальнейшему укреплению советско-германской дружбы, укреплению единства и сплоченности всех народов социалистического лагеря.

Н. БАВИН

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ТВОРЧЕСТВО — НА ПЕРВЫЙ ПЛАН

ДОКЛАДЫВАЯ собранию ленинградских литераторов об итогах Третьего съезда писателей СССР, Д. Гранин отметил ту теплоту и в то же время требовательность к людям искусства, которые прозвучали в приветствии Центрального Комитета партии, в выступлении Н. С. Хрущева, рассказал о творческих проблемах, которые привлекли внимание съезда.

«Мы обязаны, — сказал Д. Гранин, — особенно серьезно заняться воспитанием литературной молодежи. У нас многие слишком рано начинают чувствовать себя профессиональными литераторами, отрываются от своей среды».

Внимание выступавших привлекли мысли, высказанные Н. С. Хрущевым о литературной критике. Д. Молдавский, И. Эвентов и другие приводят факты, свидетельствующие о недооценке критики. Ленинградские издательства, в частности отделение «Советского писателя», не любят, боится книг на литературно-критические темы.

Необходимости более тесного сотрудничества критиков и литературоведов посвящено выступление В. Назаренко. Он считает, что было бы целесообразным сделать журнал «Русская литература» органом не только Пушкинского дома, но и Ленинградского отделения Союза писателей.

Докладчик и выступавшие в прениях говорили о необходимости перестройки всей работы отделения Союза писателей. Пусть будет меньше официальных собраний и заседаний, пусть на первый план выдвинутся творческая работа, обсуждение новых книг, новых рукописей. Об очерке и публицистической статье как боевом оружии писателя говорил В. Дагилев.

Следует, однако, отметить, что обсуждение итогов съезда могло быть более широким. Нельзя не выразить сожаления, что никто из делегатов съезда, кроме до-

кладчика, не поднялся на трибуну собрания. В принятой резолюции ленинградские писатели единодушно заявили о своей готовности приложить все силы для дальнейшего развития советской литературы. ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

ТЕПЛОМ СЕРДЦА СВОЕГО... КАЗАЛОСЬ, творческий накал, паривший на Третьем съезде писателей СССР, перенесся сюда, в большую клубную зал белорусских литераторов. На открытии партийного собрания обсуждались итоги съезда. И кто бы ни поднимался на трибуну — докладчик, секретари партийной организации Иван Громыч, выступающие в прениях литераторы — все прежде всего говорили о своей глубокой благодарности партии за свободу, о душевной теплоте, сердечности выступления Н. С. Хрущева, о желании писать лучше, образнее, писать, по выражению Пимена Панченко, «теплом сердца своего». Забота партии не только радует, но и обязывает. Да, белорусской литературе есть чем гордиться, но время великих свершений требует великих — по мысли и мастерству — полетов.

— У нас нет таких, кому не нужно было бы усовершенствовать свое мастерство, — отмечает Петрусь Бровка. — Конечно, борьба за мастерство не самоцель. Речь идет о слиянии большой идеи с большим мастерством.

К товарищеской, но прямой и требовательной критике призвал друзей по перу Янка Брыль. О работе с молодыми писателями, о повышении требовательности к ним говорил Пимен Панченко: — Мы приняли в союз 130 молодых писателей. Но появилось ли у нас 130 книг, которые полюбились бы народу?!

На собрании выступили также критик Д. Политков, Т. Хадкевич, секретарь горкома партии А. Рудак. МИНСК. (Наш корр.)

РУКОПИСИ 400 ЛЕТ

ЭТОЙ рукописи более четырех столетий. Сколько рук листали ее по-прежнему, исписанные налистанным пером черком странники? То были бернские руки и кисти, в добротном канонном переплете выглядит немало, моложе своих лет. Книжка принес в республиканский фонд научных работников, в семье которого она числится долгие годы. На последней странице — запись одного из прений владетельного этого тома, она переносит нас почти на столетие назад. В 1864 году жилец местечка Сальны (ныне районный центр Азербайджана) Фатали приобрел за огромную цену рукопись у странствующего деревни — сам деревня отдала за нее немало.

«Что же за произведение, которое так высоко ценится в Азербайджане? Это бесценные творения Саади «Бустан» и «Гулестан». Поэму «Бустан» переписчик называет «Саадинама», а в авторе не Муслимхидином, как считалось до сих пор, а Муширфом или Муслимхидином Саади. Текст рукописи значительно отличается от других известных списков. Возможно, это копия с оригинала, об этом говорит ленинградский Азиз. Специалисты тщательно изучают историческую рукопись. БАКУ. (Наш корр.)

ОКАМЕНЕЛОСТЬ...

Продолжаем публикацию рисунков, в которых художники-маркисты высказывают свое отношение к вопросам, обсуждаемым на Женевском совещании.

Аденауэр мечтает о «твердокаменной» позиции трех западных держав... Рисунок М. АБРАМОВА

НАКАЗАН, ДА НЕ ТОТ...

19 ФЕВРАЛЯ этого года в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы интеллигентов...

Министр сельского хозяйства УССР тов. Спивак сообщил «Литературной газете», что П. М. Прокопенко на работе восстановлен...

23 февраля облкомхоз отменил свое незаконное решение о снятии П. М. Прокопенко, а 6 марта внес новое постановление...

Итак, без вины пострадавшего человека оправдали, восстановили в прежней должности — и все это только для того, чтобы через две недели снова облить грязью...

За что же на этот раз сняли П. М. Прокопенко? За безарный отпуск дровесника? Это надо было подготавливать...

Заместители начальника областного управления сельского хозяйства тов. Андрианов и тов. Гауценко разослали письма, адресованные прокурорам других областей и городов...

Люди, которым были направлены эти письма, очевидно, потратили немало времени, проверяя факты. Как и следовало ожидать, все обвинения оказались дутыми...

Дело дошло до прямого подлога. В Раховском лесхозе одна из проверочных комиссий, при участии работница облуправления тов. Гайчани, пыталась вырвать подлинник в деле документа...

В Карпатских лесах на малодоступных горных склонах сползает много дровесины, непригодной к переработке...

Ленин в свое время предупреждал хозяйственников: «Поменьше приговоров Тит Титыча (я могу утверждать, могу не утверждать)»...

Очень жаль, что нам приходится вновь возвращаться к этому неприятному разговору и еще раз требовать, чтобы с саможурством было покончено!

М. ТЕВЕЛЕВ, писатель, кандидат сельскохозяйственных наук, С. ЖУРАВЛЕВ, журналист, Вл. ПАВЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты».

КОНКУРС ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

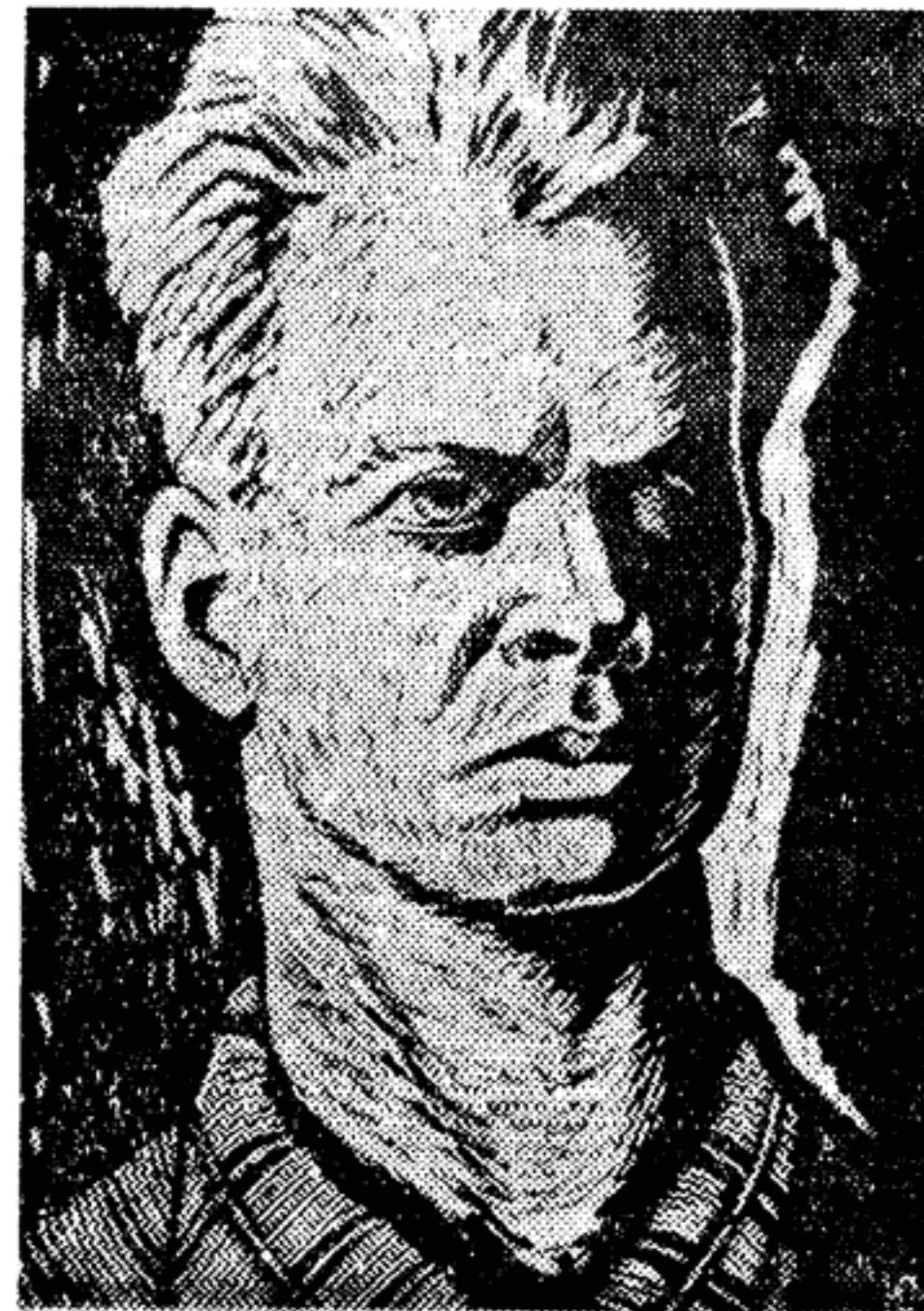
ОБЪЯВЛЕННЫЙ редакцией журнала «На боевом посту» открытый конкурс на лучшую повесть, рассказ, очерк, стихотворение и фотоснимок...

Художник Ю. Могилевский — А. Довженко и «В. Маяковский».

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В выставка молодых художников Москвы.

Художник Ю. Могилевский — А. Довженко и «В. Маяковский».

СТИХИ О МИРЕ Поэт Поль Робсон

Могучий голос, такой могучий голос, а сколько в нем печали и тоски... Я вижу берег, далекий вижу берег и пальмы, и саванны, и пески.

Волна Замбези, звенит волна Замбези, прощай навек, родная мать-земля. Крещает ветер, крещает в море ветер, и вечно в трюме корабля.

И плачут дети, тихонько плачут дети, не утихают стоны матерей. Прощай, свобода, навек прощай, свобода, не высвободить руки из цепей!

Разбито племя, в бою разбито племя, еще дымятся хижины вдали. Узоят негров, куда увозят негров огромные чужие корабли..

Закон Линча, черны законы Линча, черны у белых мысли и дела, и плачут дети, и снова плачут дети, и псы терзают черные тела.

Четыре века, подряд четыре века под знойным небом трудятся рабы, и свистят плети, тугие свистят плети. Куда уйти от тягостной судьбы!

Владимир СОЛОУХИН ОЧАГ Безнадне испорчено слово «очаг», эти плоские камни в убогом жилище, где огонь в непогожие ночи не чах, чтоб согрелась семья и поджарилась птица.

Добрый, теплый очаг. Он в гнезде из камней. Прожил тысячи лет — огнеперая птица. Был округлым очаг, чтобы людям теплой. Вкруг огня в непогожую ночь разместились.

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В выставка молодых художников Москвы.

В. Кузьмин — «Портрет В. Корнеева — члена бригады коммунистического труда».

С кем хочет остаться ребенок?

МАЛЕНЬКОЙ Тане Власовой жилось нелегко. Ей было только семь лет, но вокруг нее уже бушевали бури семейных скандалов.

Потому что, что отец проявлял во время этих перепалок больше сдержанности и больше внимания к дочери, или по другой причине, но ему удалось завоевать ее любовь и привязанность.

Несмотря на то, что Тане Власовой было только семь лет и по существующему положению судьи могли бы и не считаться с ее желанием, народный суд 7-го участка Краснопресненского района г. Москвы разбирался в этом деле и вернул девочку отцу.

В письмах из Хабаровска и в своих рассказах Саша жаловалась, что мать его обижала, даже била, бранила при нем его отца, заставляла звать «папой» чужого человека — своего второго мужа.

И вот Саша снова в Москве. Мальчику теперь одиннадцать лет. Юридически он имеет право голоса в решении собственной судьбы.

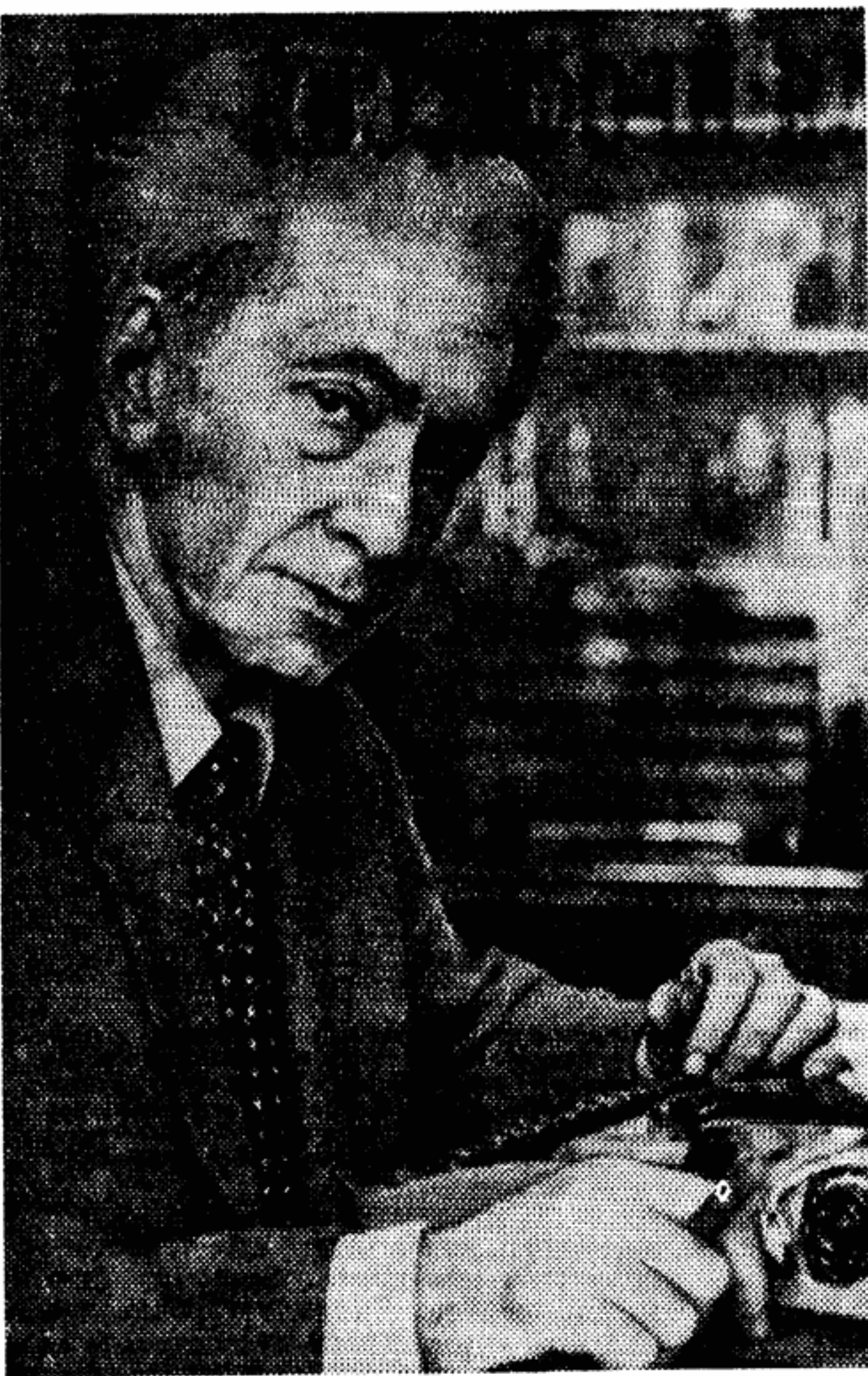
Отец Саша Н. П. Белан ввиду новых обстоятельств — писем сына и его побегов — хлопочет о пересмотре дела. И дело, действительно, если пойдти к нему по-человечески, должно быть пересмотрено.

Мне хочется напомнить работникам прокуратуры и отделов народного образования, что самыми незащищенными при рассмотрении дел о разводах бывают дети.

В ОХОЗЯЙСТВЕННЫХ успехах Рязанской области знает вся страна. Не так давно за выдающиеся достижения в области сельского хозяйства и ордена Ленина. Экономические успехи дали возможность развернуть в городах и селах широкое культурное строительство.

Без поправок на провинцию! для дешенх мест слова: «стеклозавод», «обогатительная фабрика», поселок «Металлург», «Шахтстрой»...

1. „У нас не Москва“ 3. АРШИННЫЕ купальня травной улицы, глухие заборы, купельские лабаны на базарной площади — таким запомнился мне с детства Скопин. Горюк оживал лишь в базарные дни.

У Ильи Эренбурга

Назад художник стремился правдиво показать своих героев. Современный автор должен обладать большой палитрой. В нашем обществе нет классовых антагонизмов, нет выразительных различий словес, вступающих между собой в конфликт. Борьба зачастую происходит внутри героя, борьба между добром и злом, героизмом и солидарностью, дерзанием и рутинной, душевной красотой и уродством. Изобразив сложный внутренний мир героя, несомненно, можно помочь читателю познать самого себя, своих современников и этим способствовать духовному взлету людей.

...Он никогда не жестикулирует, не ходит по комнате. И кажется, что не рассуждает, а читает уже написанное, как будто заранее точно знал не только мысль, которую сейчас высказает, но и те единственные слова, в которых эта мысль вытекает.

— Я сужу литературу по литературе, а не по литературе о литературе. Я очень опасася всецелых этикеток, — ответил Эренбург, когда я заинтересовался его отношением к дискуссии о положительных героях. Мне, например, трудно сказать: герой Толстого, Стендаля и Чехова — «положительные» или «отрицательные». Бесспорно, унтер Пришибевиц или человек в футляре не вызывают у читателя больших симпатий, хотя и они показаны не прирожденными носителями зла, а людьми, изуродованными обществом, в котором они жили. «Положительная» ли героиня Анна Каренина? Толстой ее любил, но не ставил в пример другим. «Отрицательный» ли герой Жюльен Сорель? Стендаль показал его глубокое пороки, но не испытывал к нему большую любовь, но и пытался это скрыть. В графике существуют контрасты — черное и белое. Так и в литературе существуют романтические произведения, существует сатира. Но, помимо графики, есть и живопись, а живописец никогда не употреблял в чистом виде белую или черную краску. Роман сродни живописи, и писатель показывает героев такими, какие они есть, — с их положительными и отрицательными чертами.

Спорить с Эренбургом интересно. Правда, переубедить его трудно. И тем не менее в нем всегда чувствуешь человека, уважающего мнение собеседника. Он сух, сдержан, порой даже резок, но в нем всегда ощущаешь душевную деликатность. С ним не вяжется представление о человеке, который может повысить голос, обидеть, хотя слова его часто злы, гневны, язвительны.

— Читая иные книги, — Эренбург снова возвращается к героям современной литературы, — наш читатель должен усмехаться: ему рассказывают о нем, словно о каком-то примитивном существе. Меня однажды спросили за границей: чем я особенно горжусь в литературной жизни Советского Союза. Не задумываясь, я ответил — советскими читателями.

В эту минуту наш разговор прервали. Эренбург ехал в Комитет защиты мира. Мы встретились с ним уже после полудня за городом, в Новорусском, где он живет почти круглый год. Здесь впервые я увидел его непосредственно за рабочим столом.

Кабинет немногим отличается от московского. Тут очень солнечно. За широкой стеклянной стеной виден сад. Так же, как и в Москве, — посередине письменного стола. На нем машинка. Кипа машинописных листов, испещренных пометками, исправлениями, многочисленными вклейками, которые в свою очередь сплошь исчерканы.

Хочется сказать несколько слов о манере работы Эренбурга. У писателя нет черновиков в обычном смысле, нет у него и разных вариантов и редакций — он правит и окончательно отделяет рукопись еще до того, как вещь в целом закончена. Пока страница не отработана, он не приступает к следующей.

Архитектура романа XIX века, — объясняет свой сегодняшний поиск Эренбург, — определялась судьбой одного героя или одной семьи. В наше время судьбы людей чаще, теснее, явственнее переплетаются. В повествовании это выражается быстрым перемещением планов, стремительной сменой места действия, одновременным развитием сюжетных линий, перекрывающихся одна с другой. Язык становится лаконичным, медлительная плавность уступает быстрому ритму. При этом, разумеется, существуют превосходные романы, стиль которых напоминает стиль Льва Толстого: одна фраза занимает порой полстраницы. Было бы неправильно посылать на беспорочную ценность таких произведений. Но я лично предпочитаю неуклюжие каракули ученика первого класса давно освоенной каллиграфии. Впрочем, дело это спорное, и судят книгу по ее достоинствам, а не по благим намерениям автора.

...Еще на московской квартире Эренбурга привлекают внимание цветы. Они соседствуют с книгами. Они — вторая, после литературы, страсть писателя. Где бы ни был Эренбург, он привозит отовсюду семена, луковицы, черенки. Членистый жасмин писатель привез от Пабло Неруды, карликовые растения — от японских друзей, азалия — из Бельгии, от королевы Елизаветы. Черенок кофейного дерева — из Бразилии, от Жоржи Амаду. Дереву уже плодотворит, и Эренбург шутит, что скоро он будет пить кофе собственного урожая.

Думается, существует тесная связь между любовью Эренбурга к растениям и его неутомимой борьбой против войны и разрушения. Этой борьбе Эренбург отдает свое острое перо писателя, видя в ней, как публицист, свою главную задачу сегодня.

Разговор наш коснулся последних работ Эренбурга — «Французских тетрадей», книги очерков об Индии, Японии, Греции, заметок о творчестве Чехова, нашедшегося в производстве сборника стихов.

— Когда я писал об уроках Стендаля или об уроках Чехова, я хотел показать, почему книги этих непохожих друг на друга писателей возмущают меня, моих современников. Я отнюдь не «подгонял» Стендаля или Чехова к современности, как это поучительно некоторые критики: их нечего «подгонять» — они и поныне живы. Недавно я закончил очерк о французском писателе середины XIX века — Карле Пуркине. Опубликованные очерки о Японии, Индии, Греции — не только путевые заметки, но и попытка осознать, продумать славу древнего искусства этих стран. Хочу, чтобы эти понятия молодые литераторы, это та эстафета, которую надо им передать.

В поэзии Эренбург-прозаик обращается тогда, когда то, что он хочет сказать, не может быть выражено прозой. По его мнению, передовая статья, или фельетон, или рассказ, написанные ямбом или хореем, с рифмами, с лесенкой или без лесенки, — произведения сугубо ненужные, ибо то, что автор хотел в них выразить, могло бы с большей ясностью быть выражено прозой. У нас есть настоящие большие поэты. Я называю здесь три имени, весьма отличные друг от друга, — Твардовского, Мартынова, недавно скончавшегося Заболоцкого. Среди молодых поэтов, на мой взгляд, тоже много оларенных и склонных к дерзновению.

Было бы странным уйти от Эренбурга, не поинтересовавшись литературными планами на будущее. На эту тему писатель говорит не любит, считая ее нескромной и неблагодарной. Ответа я, конечно, не получил. Но поскольку в том, что он сказал, есть упрек и «Литературной газете», объективности ради надо привести его слова.

— Я не встречал ни в «Литературной газете», ни в других изданиях ни одной статьи, посвященной какой-либо из моих последних книг. Я отнюдь не жалею и не утверждаю, что мои книги представляют особый интерес и что о них обязательно нужно писать в газете. Я только стараюсь быть логичным. Если журналы убитых медведей никак не привлекают внимания наших меховщиков — простите, критиков, — то, право же, не стоит заводить разговор о шкуре еще не убитого медведя.

И все-таки расскажу о тех планах писателя, о которых мне удалось услышать не от Эренбурга.

Во-первых, он недавно закончил подготовку к печати сборника стихов за двадцать лет, который выйдет в «Советском писателе». В книге — стихи из сборников «Верность», «Дерево» и около двадцати новых неопубликованных стихотворений. Это своеобразный дневник — лирический и политический — от Испании до наших дней.

Кроме того, Эренбург пишет статью о Неру для выходящего в Индии сборника, статьи о Мейерхольде и Семене Гудзенко, очерк о старой Праге для чешского издания, предисловие к книге о Юлиане Тувиме, издаваемой Детизом, этой о Чехове для сахалинского издательства и еще ряд статей (в том числе для заграничной прессы), направленных против «холодной войны».

Но, вероятно, это далеко не все, над чем сейчас работает писатель, тесно связанный с жизнью страны, с великим движением борцов за мир.

Связь с жизнью так же естественно необходима писателю, как необходима человеку воздух, вода, соль, хлеб. Роман нельзя приручать, его нужно ранить пережить. Неудачи некоторых молодых авторов зачастую связаны с их ранней профессионализацией. Одной наблюдательности мало, и никакие творческие командировки не могут заменить подлинного участия в жизни. Медведь съест свою лапу зимой — это знание сезонное, но осмыслить его можно только в году трудном, как известно, даже медведю.

Уехал от Эренбурга поздно вечером с чувством, что ни годы, ни огромная общественная занятость не могут оступать интереса Эренбурга к главному делу его жизни — к литературе.

И. ВАЙНБЕРГ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы вопрос о влиянии русской литературы на литературу братских народов

СССР стал предметом многих литературоведческих работ, диссертаций, статей.

Безусловно, правомерно отмечает огромную роль русской литературы в развитии национальных литератур. Казалось бы, теперь нужно переходить к скупому, доказательному исследованию. Но этого-то в наших работах очень мало.

Наши литературоведы часто ограничиваются декларативными «обобщениями». Литературовед Т. Бексов видит, например, проявление традиций Горького в казахской литературе — и в актуальности тематики, и в том, как освещается дружба народов, и даже в том, что казахские писатели обращаются к произведениям своего устного народного творчества. Не очевидно ли, что традиции Горького здесь смешаны с общими чертами многонациональной советской литературы?

Недавно в газете «Советская Киргизия» была опубликована статья кандидата искусствоведческих наук М. Брундого «Традиции литературы». Там, где речь идет о влиянии русской литературы на киргизскую вообще, дело обстоит как будто благополучно. Как только М. Брундого переходит к конкретному разговору, начинаются «прикрепления» киргизских писателей к «соответствующим» русским классикам. «Мы вправе говорить о влиянии басенного творчества И. А. Крылова на киргизскую литературу», — пишет автор. Говорить об этом мы, конечно, вправе, но не просто говорить, а доказывать. А для М. Брундого оказывается недостаточным увидеть «схожество мотивов» басен Крылова и Тоголока Молдо, «созвучие» крыловских произведений с баснями народными (!) — и вот уже вывод «подкреплен»: Крылов «вливал». Да разве ж таким образом мы не сможем «доказать» влияние какого-нибудь баснописца на басни любого народа?

В туркменском литературоведении стихотворения о Родине, о народе, о значении объясняются лишь тем, что их часто следуют за Маяковским, подражают ему. Авторы «Очерка по истории туркменской советской литературы» «установили», что стихотворения Маяковского «Американцы удивляются» и «Урожайный марш» оказали влияние на стихотворения Молламурата о хлопке и пшеничке. Эти произведения Молламурата написаны примерно в одно время с упомянутыми стихотворениями Маяковского. Однако если учесть, что Молламурат слабо знал тогда русский язык и что Маяковский был переведен на туркменский язык гораздо позже (за исключением единичных стихотворений), то... комментарии, как говорится, излишни.

Да разве ж трудно понять, что стихотворения Молламурата «Посем больше хлопка», «Пшеничный план», как и множество других подобных вещей не только в туркменской и не только в русской поэзии, были вызваны к жизни требованиями самой эпохи.

Часто в научных трудах приводятся слова самих писателей: на меня, мол,

Давайте говорить о влияниях конкретно!

К АЗАЛОСЬ бы, что одна из основных задач литературоведения — определение оригинальных черт творчества того или другого писателя, его неповторимости, именно его вклада в литературу. А вот в туркменском литературоведении (да и только ли в нем?) почему-то идет горячее соревнование в приписывании всякому писателю как можно большего числа «влиятий». Б. Ахундов в своей книге об А. Дурдыеве «подвел под влияние» все литературное наследие писателя. Кто только из русских писателей не оказал влияния на Агахан Дурдыева! Его расказ «Красавица в котях беркута» создан под влиянием пьесы (!) А. Н. Островского «Гроза», повесть «Счастливая юность», рассказы «Баллы мулла», «Хан Кюйли», «Мастера земли» — результат воздействия Гоголя, расказ «Жертва» — Чехова, другие рассказы — Горького. Да где же сам Агахан Дурдыев, или по очереди раставлялся то в одном, то в другом влиянии?

Всегда своеобразна аргументация критика. Б. Ахундов анализирует образ туркменки Аккемал и делает следующий комичный вывод: «Учитывая характеры и их занятия, скажем, что образ Аккемал созвучен голубевским образам — Бобчинскому и Добчинскому». «Учитывая характер и занятия?». Какие же есть основания говорить о созвучии характеров этих людей, живших в разное время, людей разных национальностей и абсолютно несходных «занятий» и обстоятельств жизни? К кому же стоит ли забывать, что мужчина, будь он Добчинский или Бобчинский, не есть женщина...

Мы не только не отрицаем влияния русской литературы, мы подчеркиваем ее необходимость его конкретного, обоснованного, а не декларативного. И давайте будем обходиться без натяжек! Ведь есть же хорошие, глубокие и фактически, без «перегибов», работы — К. Зелинского, М. Ауэзова, например. Вопрос о взаимных связях и литературных влияниях, как подчернуто было и на III съезде писателей, очень важный, разносторонний, сложный. Не будем упрощать его!

Что положительного нам хотелось бы заметить (только намечать!) в этой статье? Известно, что до Октябрьской революции реалистической прозы в полном смысле этого слова на нашем Востоке не было. В соответствии с приемами условного повествования произведениями доореволюционной туркменской литературы были присущи такие черты, как гипер-

болизация событий и ситуаций, «неестественность» поступков героя и пр. Кроме того, большинство героев этих произведений — это люди, как говорится, «пущих классов». Мы не ставим этого в вину авторам, изваяв бог нас от вульгаризации! Мы понимаем условия эпохи, но

тем не менее думаем, что правилом такой вывод: «восточным» литературой, туркменской литературе в частности, надо было еще учиться описывать жизнь простого народа. И вот здесь, говоря о литературной судьбе писателей Средней Азии, надо отметить то счастливое обстоятельство, что они, знакомые с русской литературой, сталкиваясь сразу же с великими реалистами, минуя различные декадентские литературные течения, — с Толстым и Чеховым. А вместе с тем обращались к опыту социалистического реализма, к Горькому прежде всего.

Выбирая метод социалистического реализма на своей национальной почве! Именно за помощь в этом важнейшем деле мы в первую очередь благодарны русской советской литературе, ее виднейшим представителям — Горькому, Маяковскому, Шолохову, Фадееву.

Реалистичность характерно! Возьмем, к примеру, творчество самобытного туркменского писателя Б. Кербабаева. Он учился у русской литературы принципам создания развивающегося, психологически противоречивого характера, искусству композиции романа. Это дало ему возможность создать первый реалистический роман в истории туркменской советской литературы — «Решающий шаг». В основе сюжета этого романа — судьба рядового представителя туркменского народа. Писатель не издался своего главного героя необычными «сверхчеловеческими» атрибутами, а показал в процессе роста, преодоления ошибок и колебаний. Здесь есть раз проявилась творческая сила влияния русской литературы и занятия?.. Какие же есть основания говорить о созвучии характеров этих людей, живших в разное время, людей разных национальностей и абсолютно несходных «занятий» и обстоятельств жизни? К кому же стоит ли забывать, что мужчина, будь он Добчинский или Бобчинский, не есть женщина...

Мы не только не отрицаем влияния русской литературы, мы подчеркиваем ее необходимость его конкретного, обоснованного, а не декларативного. И давайте будем обходиться без натяжек! Ведь есть же хорошие, глубокие и фактически, без «перегибов», работы — К. Зелинского, М. Ауэзова, например. Вопрос о взаимных связях и литературных влияниях, как подчернуто было и на III съезде писателей, очень важный, разносторонний, сложный. Не будем упрощать его!

Влияние русской литературы, на наш взгляд, надобно искать не в теме, не в сюжете отдельных эпизодов. Это влияние общественно-эстетическое — влияние примера, а не списывания. И особый вопрос — индивидуальная тяготенность каждого из писателей к тому или другому крупному русскому писателю, к его художественным, творческим приемам. Вот если вести разговор о влиянии с таких позиций, тогда Молламурат не будет подходить «под» Маяковского, тогда не будет на деле умещаться пожелание Маяковского о литераторах — «хороших и разных».

Давайте же говорить о влияниях и взаимовлияниях конкретно!

АШКАВАД

Абулла МУРАДОВ

ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛЕРМОНТОВА

Так называлась вторая межвузовская конференция, недавно состоявшаяся на филологическом факультете Московского университета. Декан факультета Р. Самарин отметил отрядную особенность конференции — основными докладчиками, наряду с учеными-литературоведами разных городов, выступили студенты.

В докладах москвичей А. Журавлевой, А. Чернякова и А. Занниной была сделана попытка исследовать поэтический стиль великого русского художника слова с позиций русской современности. Докладчики спорили о распространении на последнее время стремления отдельных исследователей подменять анализ поэтического стиля художественного произведения разговором о «диалектизмах», «варваризмах», «прозаизмах» и т. п.

В. Вацуру и Е. Яценко (Ленинград) выступили преимущественно с историко-литературным анализом произведений Лермонтова. Были обсуждены также доклады Е. Покишиловой (Рига) и Н. Дзачеовой (Орджоникидзе). Конференция прошла в обстановке острой, но исключительно дружеской дискуссии.

На основе материалов конференции предполагается издание сборника докладов и сообщений.

НЕДЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Выставка художников студии им. Грокова

«Радость жизни». Скульптор Г. Постников

ОТЧЕТ ДАРГИНСКОГО ПОЭТА

Правление Союза писателей РСФСР заслушало творческий отчет даргинского поэта Рашида Рашидова (Дагестан). Его произведения, полные самобытности и национального своеобразия, пользуются большой любовью у народов Дагестана. Переведенные на русский язык книги «Дети также мне нравятся очень» и «К нам в аул Морис пришел» с большим интересом встречены юными читателями.

В обсуждении творчества Р. Рашидова приняли участие С. Баруздин, Р. Гамазтов, Я. Смелков, С. Михалков, Е. Тарасовская, Н. Доризо, Г. Ладончиков, лаский поэт Юсуп Аппалаев, а также поэты-переводчики Я. Козловский и Н. Гребнев.

В один день — 50 тысяч...

В Центральном парке культуры и отдыха Ленинграда в прошедшее воскресенье проведен традиционный Праздник книги. Более ста тысяч ленинградцев участвовало в этом торжестве. Оживленными были встречи с поэтами и прозаиками, с редакторами издательства.

В распространении книг приняли участие общественники предприятий города, литераторы, учащиеся.

По предварительным данным в первый день праздника продано более пятидесяти тысяч экземпляров книг, брошюр и журналов.

ЛЕНИНГРАД (по телефону).

«ЮПИТЕР СМЕЕТСЯ»

«ЮПИТЕР смеется» стояло на театральных билетах со знаковой мхатовской чайкой. «Юпитер» — мощный электрический осветительный прибор» — вспомнилось мне почему-то единственное объяснение этого слова в словаре русского языка С. Ожегова, вышедшем в 1953 году. На минуту моему воображению представилось слепое и странное зрелище. Электроосветительный юпитер смеялся. Он смеялся белым, слезливым, шипящим и жарким смехом. «Послушайте, вы и есть Юпитер?» — спросила я. — Что случилось? Чему вы смеетесь?

Он сразу стал серьезен и даже потускнел: «Чему я смеюсь, — вздохнул он печально. — О, эти дети XX века, они все безудержно модернизируют, не забывая о последствиях. Не говорю уже о себе. Ну, пусть в словаре забыли, что до изобретения этого, — он тряхнул проводками, как бороздой, люди довольно долго видели во мне бога-громовержца. Но в конце концов то слово? А тут — Художественный театр. Вы читали пьесу Арчибалда Кроуна? Замечаете разницу? Разрешите, я посвечу».

Но разница бросалась в глаза и без дополнительного освещения. То, что происходило на сцене, было в странном и смешном, а может быть, печальном разномыслии с пьесой. Представьте себе, что в добропорядочной частной клинике доктора Брагга в Гопуэлл-Тауэре за ужином среди врачей являлся новый коллега — молоденькая девушка с наивным и круглым личиком. На распросы она очень серьезно отвечала, что приехала сюда временно, в надежде заработать на проезд в Китай, где умер ее отец и где отныне заменит его она сама. «Во имя чего?» — спро-

ЮПИТЕР СЕРДИТСЯ...

сите вы вместе с обитателями клиники. — «Во имя человека».

Какая актуальная пьеса, подумаете вы. Молодая революционно настроенная англичанка, чей отец, вопреки традиционному британскому колониализму, отдал жизнь в борьбе за свободу и независимость китайского народа. Сдет...

Остановитесь, читатель. Не верьте обманчивым огням размы. Откройте пьесу, где на стр. 23 Мэри объясняет свои истинные побуждения: — А зачем вам в это ввязываться? — Только чтобы доказать им, что все от бога...

Христианство и наука. Неуживчивый, нетерпимый, язвительный и чертовски талантливый доктор Веннер работает над препаратом, излучающим шизофрению. Он делает это во имя чистой науки. Ему наплевать на гуманные идеи и христианские заповеди. Но он влюблен в Мэри. А Мэри — олицетворение христианского самопожертвования. Она дарит своему возлюбленному, как и в Китае, где у нее действие пьесы относится к 30-м годам. В конце концов, верная своим заповедям, Мэри жертвует собой, пытаясь спасти от пожара рукописи Веннера. А с ее евангелием в кармане отправляется в Китай.

Тан обстоит дело в пьесе, где талантливые и злые зарисовки бытостоль хорошо знакомому Кроуину по его медицинской практике, острое ощущение добродетельной рутинности и благопристойной пошлости, окружающей исследователя, соседствуют с идеями христианского самопожертвования, а

все это вместе насажено на банальнейший мелодраматический сюжет.

В спектакле от быта похода отмахнулись, бога попросту вымарали вместе с половиной роли Мэри. Что же осталось? Осталась сюжет и Юпитер в заглавии (как видно, под влиянием ожеговского словаря).

И, глядя на милую Мэри, лепетавшую что-то невнятное о «поле битвы, где строится новая жизнь» (текст не предусмотренный Кроуином), я от души жалела исполнительницу — студентку школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко Т. Лаврову. Наверное, в школе ей не раз объясняли, как серьезно относился К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко к созданию характера, как неустранимо требовали от актера знания каждой детали биографии героя, а здесь неопределенно давали время, когда он живет. В самом деле, легко ли из образовочивой христианки сделать высокопрогрессивного деятеля...

Беда не в том, что у Мэри отняли ее любимое евангелие. Беда в том, что вместе с евангелием у нее отняли характер, превратив его в некую туманность — ведь у Кроуина тема христианства определяет движение образа, и поэтому повис в воздухе весь спор Мэри с Веннером. Остался, повторяю, лишь нехитрый сюжет мелодрамы.

И в спектакле есть все ее признаки. Демоническая старшая сестра клиники, которая ненавидит Веннера и готова на все, чтоб его погубить. Молодая жена владельи клиники, которая, напротив, влюблена в Веннера и готова на все, чтоб его удержать. Есть сцена, когда старшая сестра коварно предлагает ей ключ от лаборатории с рукопи-

сами и она из ревности их поджигает.

Есть браурная музыка, есть зловещие красные отсветы пламени и черное бархатное платье реинвой Глэдис, и белое воздушное платье невинной Мэри. Есть Веннер, больше похожий на романтического любовника, нежели на одержимого исследователя.

Нет того единственного, что могло бы заинтересовать нас в пьесе Кроуина — ист реалистической и злой картины жизни клиники, где все так rispetтабельно и добропорядочно, где для большинства вырабатывается даже бюрократическая капуста, а между тем не находится места для живой мысли, для научного исследования. Ибо наука не всегда respectable и заставляет иногда бодрироваться ногами, ходить небритым и даже — о ужас! — пить в воскресенье для бодрости виски.

Как это ни грустно, в спектакле МХАТа нет как раз того, что всегда составляло силу этого театра.

Режиссер А. Карев не смог показать в характерах Веннера, старшей сестры, Глэдис, Мэри их реальные, живые, даже житейские черты, превратив их в персонажей мелодрамы. А вместе с тем потерял ту — кстати сказать, традиционную для МХАТа — тему столкновения мещанства и творчества, которую только и стоило извлекать из пьесы английского драматурга.

...Итак, Юпитер смеется на афише, украшенной мхатовской чайкой. А мог бы рассердиться. И если бы рассердился, то, вопреки известной древней поговорке, на этот раз оказался бы тысячу раз прав.

М. ТУРОВСКАЯ

ВОСТОРГ—УТВЕРЖДАЕТ «ПАРИ-МАТЧ», НО В УГРЮМЫХ ВЗГЛЯДАХ—НЕНАВИСТЬ...

ПОСМОТРИТЕ
НА ЭТИ ЛИЦА

Французский реакционный журнал «Пари-матч» дал к этой фотографии следующие подписи: «Батна, маленький алжирский городок, праздник у 13 мая. Празднуется речью, звучит «Марсельеза», а над головами плывет портрет де Голля... Французы-мусульмане и французы-европейцы слились в одной толпе».

«Пари-матч» хотел бы уверить читателей, что алжирцы, которых журнал хитроумно называет «французскими-мусульманами», бурно ликуют, восторгаются политикой французских колонизаторов. Но снимок — живое опровержение уверенной журнали а. Мы выделили и увеличили несколько лиц из этой «слившейся воедино толпы». Ненависть и горе не затушевывают никак и м и славными подписями!

Вы не слышали историю про Одноглазого Джо, старого чикагского гангстера? Неужели нет? А ведь он не зря прославился. На его боевом счету восемьдесят ограбленных банков, дюжина похищенных младенцев, десятка полтора прирванных джентльменов с туги набитыми бумажниками. Джо торговал сагоном в годы «сухого закона», занимался перекупкой контрабандных наркотиков и содержал неплохую организованную сеть притонов. К пятидесяти годам он сколотил изрядный капитал и вложил его в солидное предприятие. Джо мог бы спокойно доживать свой век, ни о чем не заботясь, но... он был тщеславен и честолюбив. Хотелось ему стать политическим заправилкой штата.

И вот как-то раз, играя в карты с начальником полиции, старым и верным другом, Джо, слегка смущаясь, начал задушевный разговор.

— Знаешь, Генри, задумал я удаться в политику... Хочу стать государственным деятелем. Поможешь?

— Как не помочь, Джо, — ответил Генри. — Я многим тебе обязан... Но ты-то сам уверен в своих силах?

— Джо поблагодарил и тяжело задыхался.

— Постой, постой, — мягоко проговорил начальник полиции, ласково похлопав своего друга по плечу, — успокойся, я знаю, на что ты способен. Пойми меня правильно: ведь ты работал на мелочах. Одно дело — обчистить банк, другое дело — обобрать вдов и сирот в целом штате. Одно дело — пришить богатого старикашку, другое дело — послать на смерть несколько миллионов...

Джо слушал своего друга с возрастающим волнением. Когда Генри, наконец, умолк, старый гангстер поник головой. Из его единственного глаза выкатилась крупная слеза. Он раздумал менять профессию...

Эта забавная история, которую лю-

САМАЯ ПРЕЗРЕННАЯ ПРОФЕССИЯ

Казнокрад с денежным мешком, краснойб-демагог, ханка и лицемер, прикрывающийся маской Линкольна, пират и головорез — вот наиболее характерные типы политических деятелей США в изображении американских карикатуристов. Эти рисунки мы заставили из журнала «Нью-Йорк таймс» выкупить, который, выступая в защиту политического деятеля, с типичным вздохом решился опубликовать типовые портреты политиканов в том виде, как их представляет себе американский народ.

бят рассказывать в Америке, конечно, выдумана от начала и до конца. Но в ней столько торжественной правды, что она могла бы произойти и на самом деле. Нет, пожалуй, в Соединенных Штатах более презренной профессии, чем профессия политического деятеля. Американский народ хорошо знает цену продажным интриганам, облекаящим свои грязные делишки под завесой демократической болтовни. Разумеется, не у всех политических деятелей США рыльце в пушку. Среди них есть и честные люди. Но коррупция в этих кругах приняла последние эпидемические характер, волна взяточничества захлестывает даже Капитолий. Вот почему простые американцы к самой профессии политического деятеля относятся с недоверием и неприязнью.

Многие неприглядные махинации, широко практикуемые американскими политиками, нашли даже отражение в языке. Есть специальные «термины» для обозначения этих жульнических проделок. Из них можно было бы, пожалуй, составить целый «Словарь уголовника!»

Вот, казалось бы, невинное выражение: «поджаривать жирок» (fat frying). Что же за ним скрывается? Внимание подаете с фирм, в интересах которых политики остропали и проталили через законодательный орган льготный закон, обеспечивающий фирмам большие прибыли. А вот другой, не менее сочный, оборот речи: «запачкать пальцы в соус» («dip in the gravy»). Этот гастрономический символ весьма образно выражает сущность повседневной жизни политиканов: бесстыжее, беспринципное прикармливание общественных средств. Деликатные выражения «оршашать цветочки» («sprinkle the flowers») и «смазывать политическую машину» («oil the political machinery») попросту означают: давать взятки. Благоустроенные фирмы в США выделяют даже специальный фонд из своих средств. Именуются «фондом желтого пса», он предназначен исключительно для подкупа политических деятелей!

Не удивительно, что фигура политического деятеля в США стала мισηтой горных насмешек, стала остротой и прямым издевательством. Дело дошло до того, что прессы монополия сочла нужным выступить в защиту «обвиненных» казнокрадов. Статья, недавно опубликованная в журнале «Нью-Йорк таймс», так и называется: «В защиту политического деятеля».

«Политические лидеры, как категория, — причитает автор статьи, — не пользуются уважением среднего избирателя. Часто, очень часто я слышу, как о кандидатах на выборные должности говорят, как о низких и бессовестных тварях, готовых пойти на любую грязную проделку или махинацию, чтобы добиться избрания. Американцы всегда готовы предполагать самое худшее о тех, кто стремится занять руководящие посты, будь то в местных органах власти, на уровне штата или в масштабе всей страны».

Автор статьи рассказывает о призрачном, с его точки зрения, факте. Специальный опрос, проведенный в США, показал, что подавляющее большинство родителей с недоверием относятся к своим детям. «Это не очень многообещающая установка для страны, судьба которой может зависеть от качества ее политических лидеров», — в полном унынии восклицает автор.

Однако факт остается фактом. У американского политикана репутация

напоминает то состояние полного равновесия ко всему, которое воспитывал в себе герой современных западных романов. (В сущности, это тот же «феонон рамы», известный еще предшественнику Гартмана — Гуссерлю под именем «взятия в скобки»).

Пробравшись сквозь лабиринт хитрых представлений философов и эстетиков модернизма, чтобы понять действительный смысл книги Гартмана, не легко. Переводить такие книги нужно годы. Но стоит ли это труда? Пожалуй, нет. Вспомните слова Ленина в последней главе «Материализма и эмпириокритицизма». Буржуазные ученые могут дать ценные специальные исследования, богатые фактическим материалом, но в общих вопросах теории им верить нельзя. Книга Гартмана представляет собой чисто умозрительную теорию. Фактов в ней мало, сведения не всегда достоверны. Автор, например, всерьез считает Аполлоном Бельведерского (римскую копию с оригинала предэллинистической эпохи) произведением греческой скульптуры эпохи расцвета. Что же касается теоретических выводов его «Эстетики», то специалисты с большей пользой для себя могут ознакомиться с ними в оригинале. Ведь изучение иностранных языков вполне доступно человеку средних способностей, если он не лодыр. А содержание специалистов, рассуждающих в духе г-жи Простаковой (зачем дворянину знать географию, если существуют извозчики?), обходится слишком дорого.

Мих. ЛИФШИЦ

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛМА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, С. А. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛДУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

М. О. АЛМАЗОВ, В. СТОВСКИЙ

Моск. Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутор — К 5-00-00.

З О Н Ы у ж а с а

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

МНЕ ДОВЕЛОСЬ немало слышать и читать об изуверстве расистов в Южно-Африканском Союзе. «Теория» и практика этих рабовладельцев XX века вызывают глубокое негодование у всех честных людей мира. В большинстве случаев с разоблачением и резким осуждением этой политики выступает прогрессивная общественность. Должен признаться поэтому, что я был несколько удивлен, обнаружив в американском журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» весьма откровенную статью о расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе под выразительным заглавием «Трагедия Южной Африки». Автор статьи — Дэвид Рид, один из редакторов журнала, проживший много лет в Африке и недавно вновь посетивший ЮАС, чтобы познакомиться с новейшими «достижениями» в области «тотальной и бескомпромиссной» расовой сегрегации.

Когда читаешь эту статью очевидно, кровь буквально стынет в жилах. Почему же все-таки, спрашивая я себя, такой журнал, как «Юнайтед Стейтс ньюс», рассказывает правду о Южно-Африканском Союзе? Ответ я нашел в редакционном примечании к статье, в котором говорится, что Рид рисует картину, «составляющую далеко позади все, что когда-либо встречалось в этом смысле в Соединенных Штатах». Вот, оказывается, в чем дело! Редактор «Юнайтед Стейтс ньюс» полагает, что расскажем о средневековых ужасах, творившихся в наши дни в Южной Африке, ему удастся отвлечь внимание от разгула расизма в Соединенных Штатах!

Мне рассказывали о том, как на конференции народов Африки в Аккре американские агенты пытались представить США как страну, где уважаются принципы равноправия, демократии и т. п. Так американские монополии рассчитывают прикрыть свои колониаторские устремления, изобразить США поборниками свободы и независимости. Но весь мир знает, что на юге Америки свирепствует жестокий расистский террор. Негры фактически лишены политических и гражданских прав. И понятие справедливо крылатое название Америки, данное Марком Твенном, — «Соединенные Личущие Штаты».

Кое в чем южноафриканские расисты обогнали своих североамериканских единомышленников. Мне думается, губер-

натор штата Арканзас мистер Фобус без зависти садит за тем, что творят белые господа Южной Африки. Так называемый апартеид (поселение по расовым группам и в первую очередь изоляция африканцев) — это политика поистине дикого, разнузданного произвола. Белые, цветные, черные отделены друг от друга непроницаемыми перегородками. Африканец не может ехать с белым в одном автомобиле или трамвае, есть в одном ресторане, жить в одной гостинице, посещать один кинотеатр, лежать в одной больнице, учиться в одной школе или университете. На общественных пляжах полиция обязана обеспечивать соблюдение промежутка не меньше, чем в полкилометра для купальщиков различных рас. Люди полагают, — заявил Риду один из правительственных чиновников ЮАС, — что если они равны перед богом, то они должны быть также равны в обычных человеческих отношениях. Это бессмыслица. Но, как видно из той же статьи Рида, люди разного цвета кожи не равны и перед богом! Правительство ЮАС пытается распространить сегрегацию и на церковь.

Существует только один вход, куда могут войти вместе с белыми черные и цветные люди. Это вход в магазин, в каску, ибо только деньги, которые держали в руках негры, «не имеют запаха» для белых господ. Однако материальное положение миллионов африканцев таково, что они навряд ли бывают частыми гостями в магазинах.

Пожалуй, нигде расовые и социальные противоречия, обусловившие трагедию Южной Африки, не проявляются так резко, как в «городе золота» — Иоганнесбурге. Рядом со сверкающими витринами универсальных магазинов и роскошными особняками жмутся к земле негритянские трущобы, почти полулидионное население которых выжиг голодом, нищенское существование.

На проживание в негритянских районах Иоганнесбурга требуется специальное разрешение; отдельный пропуск нужен африканцу на право входа в город, если он там работает; если негра необходимо оставить в городе на ночь, то и в этом случае ему требуется особое разрешение. Каждый африканец обязан постоянно иметь при себе паспорт объемом в 96 страниц, в котором работодатель ежемесячно должен делать пометку. Если африканец забыл свой паспорт дома или

если какой-нибудь из его многочисленных пропусков не в порядке, его могут арестовать. «Паспортные облавы» на африканцев проводятся в Иоганнесбурге и других городах чуть ли не ежедневно. Поиманный «нарушитель» отнюдь не всегда предстает перед судом. Чаще всего таких людей, бесцельно исчезнувших для семьи, используют на принудительных работах у богатого белого фермера. Они превращаются в его рабов. Хозяин платит им три цента в час. Когда истекает срок работ, нередко оказывается, что нищенского заработка не хватает, чтобы расплатиться за жилье, одежду и прочее. Тогда подписывается новый договор на новый срок.

Другим поставщиком негритянских рабов для ферм служат так называемые фермерские тюрьмы. Группы белых фермеров строят такие тюрьмы в своих районах в складчину. Правительство укомплектовывает тюрьмы административным персоналом и заполняет их заключенными африканцами. Заключенных сдают в «аренду» фермерам, которые вносят арендную плату в государственную казну.

В свою канибальскую деятельность расисты пытаются внести «плановое начало». В ЮАС осуществляется сейчас программа создания «расовых районов», рассчитанная на 15—20 лет. Задумано это с тем, чтобы полностью территориально издрать белых от черных и цветных. 50 тысяч негров уже выселены насильно из Софиапуна — района трущоб в Иоганнесбурге. В назначенный день туда явилось 2 тысячи полицейских. Они выбросили из лачуг пожитки негров. Особые команды, вооруженные топорами, взобрались на крыши и разрушили эти ветхие жилища. Такие же организованные погромы власти ЮАС намерены провести в других городах страны.

По всей стране проводится «расовая классификация». Суть ее сводится к тому, чтобы навсегда отнестись к той или иной расовой категории каждого из 14 миллионов жителей Южно-Африканского Союза, заклеймить «черных» и «цветных» клеймом неполноценности, принижности перед белым угнетателем. В Кейптауне и других городах ЮАС регистрационные бюро занимаются «исследованиями» цвета кожи, волос, глаз, изучением родословной каждого жителя на предмет определения его расовой принадлежности. Если чиновники решат, что такой-

то гражданин, до сих пор числившийся белым, «похож» на негра или цветного, они могут «понизить» его по шкале апартеида. Это значит, что он должен будет переселиться в гетто для черных, дети его смогут посещать только «племенные школы», он никогда не сможет получить работу, резервированную для белых, он станет бесправным рабом.

Скопская сущность расизма, пожалуй, ни в чем не проявляется так ярко, как в гнусном законе «об аморальности». «Аморальной» здесь считается всякая любовная связь между представителями различных рас. Нарушителя этого извращенного закона подвергают такому телесному наказанию и тюремному заключению сроком до семи лет.

Когда задумываешься над тем, что происходит в Южно-Африканском Союзе и в Южных штатах США, ясно видишь, что расизм калечит не только жизни миллионов черных. Он отравляет своим ядом сознание белых, сеет баццлы ненависти, взаимного недоверия, раздвигает людей, а значит, делает их более слабыми.

Об одной из таких жертв расизма рассказывает в статье уже упоминавшийся Рид. Некий житель Кейптауна, считавшийся белым, женился на белой женщине. 24 года спустя ему сообщили о факте, которого он сам не знал: в метрических документах он был обозначен как «смешанный». Прежде всего он лишился работы, далее, рассказывает он, произошло следующее: «Когда моя жена узнала об этом, она упала в обморок. Потом она рыдала и говорила: ты опозорил меня, уйд! Семейная атмосфера сразу оказалась отравленной ненавистью, в конце концов мне пришлось уйти из дому. Вскоре после этого жена подала заявление о разводе. Все стало невыносимым, я хотел отравиться, принял огромную дозу снотворного. Но меня спасли. В конце разбора дела о разводе жена лишилась чувств. Пробежав три года, она умерла».

Разум человечества не может мириться с произволом расистских мравобесов! Африка перестает быть в наши дни заповедником колониаторов. Народы черного континента один за другим избавляются от колониального рабства. Над землей, исполосованной, как спина угнетенного негра, кровавыми расовыми барьерами, веет ветер свободы!

Лабиринт эстетического модернизма

МОЖНО прожить с пользой для общества, ничего не зная о Николае Гартмане, хотя общественное мнение западных стран посмертно признало его одним из лидеров наиболее современного направления в философии. Если, однако, читатель интересуется книгой, выпущенной Издательством иностранной литературы, он должен иметь в виду, что такие книги требуют чтения между строк. Каждое слово здесь следует понимать не в простом, а в особом, можно сказать, «спинкинском» смысле.

Так, например, читатель заметит, что Гартман охотно выражает свое несогласие с идеализмом в эстетике. Но не следует думать торопиться. Материалистические фразы Гартмана нужно понимать в «спинкинском» смысле. На самом же деле его конструкция гораздо дальше от научных выводов на этот предмет, чем эстетика Канта, Шиллера, Гегеля и, если хотите, даже Платона.

Старая эстетика создала понятие идеала как полноты жизни, недостижимой на земле и только сияющей для нас в образах искусства, в чувственной иллюзии «прекрасного». Гартман относится к этим устаревшим представлениям с явной насмешкой. Он полагает, что эстетические переживания могут быть связаны с «любимым куском жизни», независимо от его совершенства. Очень хорошо, но чем отличается все же прекрасное явление от всякого другого? С точки зрения Гартмана, секрет очень прост: возьмите любой кусок жизни и заключите его в раму, — он будет прекрасен. Следовало бы даже считать (хотя автор не говорит этого),

что рама важнее самой картины. Ибо, по мнению Н. Гартмана, окружающая кусок жизни рамой, мы вырезаем его из действительности, а это и есть главный источник эстетического наслаждения. Отбор известных черт художником и вообще всякая условность также сводится, с точки зрения автора, к «феномену рамы», или, говоря более широко, — к устранению иллюзии реальности, к «дерелизации».

Изобретая различные формулы для выражения той особой радости, которая охватывает человека перед лицом прекрасного в природе или в искусстве, Гартман находит слово Abgeschriftetheit, то есть «состояние отгороженности». Радость охватывает нас именно потому, что мы загордились «феноменом рамы» от действительного мира с его моральной и прочей ответственностью. При этом автор «Эстетики», если верить его заявлениям, вовсе не эстет, а скорее горячий сторонник вторжения искусства в жизнь. Но такие приманки существуют только для очень наивных людей. На самом же деле под видом мнимой актуальности скрывается худший вид эстетизма. Как видно из всей системы Гартмана, он думает, что к жизни нужно подойти вплотную, на расстояние ближнего боя (все равно податься некуда), а затем вынуть из кармана «феномен рамы» и создать искусственную дистанцию между нашим сознанием и угрозой реального мира. Слово Abgeschriftetheit заставляет вспомнить Schirm, а это значит, между прочим, зонтик. Рецепт прекрасного, предлагаемый в этой книге, состоит именно в зонтике условности, посредством которого можно укрыться от непогоды посреди уродливого и страшного мира.

Таков модернистский сдвиг, совершаемый Н. Гартманом по отношению к эстетике классического идеализма. Великий немецкий поэт Шиллер в стихах и прозе грустил о том, что идеал прекрасного недостижим на земле, не-реален. А современный немецкий философ Гартман утверждает, что именно нерешительность прекрасна. Разница громадная, и она не в пользу Гартмана.

Старый идеализм слишком яркими красками рисовал противоположность между полнотой человеческой жизни и ее действительным развитием в классическом обществе, но он не сомневался в том, что мера идеала может быть приложена к самой жизни. Современный идеализм ставит себя в заслугу мнимое освобождение человечества от этой меры, от бремени нравственной ответственности, от поисков общественного совершенства, хотя бы в мечте, как у Шиллера. «Идеаль — опасность» — писал еще в XIX веке реакционный философ Ницше. Все куски жизни одинаково хороши, важно найти только удобную позу, создать искусственную дистанцию по отношению к реальности.

Что же такое, однако, «феномен рамы» без ложных комментариев Гартмана? Рама в живописи, рампа на сцене, отбор и некоторая доза условности во всяком искусстве — все это имеет свое значение для художника. Но вовсе не потому, что таким путем достигается «дерелизация», устранение схождения между произведением искусства и предметом изображения. Наоборот, рама способствует концентрации, повышению чувства реальности до такой степени, которая невозможна в обычном наблюдении мира. И вообще всякая условность есть частный случай реального образа, а не наоборот.

В старых идеалистических системах (начиная с Платона) схождение между идеальным и реальным не подвергалось сомнению. Оно выступает здесь, можно сказать, в обратном порядке: идеаль-